

Продолжение. Начало в № 69.

Считая мобилизованным прежде всего самого себя, он руководствовался в повседневной работе по отношению к себе не нормами трудового законодательства, не физическими возможностями и не пределами нервного истощения, а прежде всего требованиями максимального повышения полезности вверенного ему комбината. И не ради создания наглядного примера своим подчиненным, а только по внутренней своей потребности он взвалил на свои плечи немислимой тяжести режим работы. Его высокую сутуловатую фигуру в длинном кожаном пальто работники комбината привыкли встречать в самых жарких цехах и ранним утром, и при дневном свете, и в ночное время.

Совершенно естественным было бы, если директор комбината требовал бы от своих подчиненных такого же отношения к порученному делу. Но Григорий Иванович требовал четкого и безусловного выполнения ими лишь их должностных обязанностей, выстроенных с поправкой на военное время. За невыполнение этих обязанностей сурово наказывал, не принимая невинных оправданий.

В течение почти двух полных суток, двенадцатого и тринадцатого марта, на шихтовом дворе третьего мартеновского цеха простояли под разгрузкой вагоны прямого парка, Наркомата путей сообщения. Привезенные в этих вагонах сыпучие материалы могли быть разгружены всего за несколько часов, но вагоны были превращены в склады на колесах просто потому, что у начальника шихтового двора Шпака, видите ли, не доходили руки до организации разгрузочных работ. И это в то время, когда на стальных магистралях страны на строгом учете практически каждый вагон, и часто бывает, что важнейшие народно-хозяйственные грузы не на чем доставлять, не на чем везти оружие во фронтовые районы! Уже четырнадцатого марта Носов подписал приказ, которым преподнес поучительный урок всем нерачительным организациям производства: «Стоимость перепростоя вагонов взыскать с начальника шихтового двора тов. Шпака. Предупреждаю всех работников комбината, связанных с работой по прямому парку, что за перепростоем вагонов буду принимать самые строгие меры вплоть до отдачи под суд».

С обработкой вагонов парка НКПС на комбинате складывалась совершенно нетерпимая обстановка, на что справедливо указывали государственный контролер и специалисты железнодорожного транспорта. В феврале и первой половине марта на погрузо-разгрузочных работах каждый вагон прямого парка в среднем простоял по 21,5 часа при действующей норме 11,3 часа. Конечно, значительную часть перепростоя «обеспечивают» боевые действия на разгрузке смерзшихся каменных углей, но и подобных случаев преступной безхозяйственности, как на шихтовом дворе третьего мартена, тоже еще предостаточно. Этому надо положить конец.

По закону военного времени строгим наказаниям подвергались и нерадивые рабочие, прогульщики, опаздывающие на смену, самовольно оставляющие производство, саботажники — случались и такие. Приходилось Носову подписывать и такие приказы, подготавливаемые по инициативе государственного контролера, материалов проверок, проводимых отделом организации труда. Одной из таких проверок, проведенных в начале февраля, было выявлено, что в новомеханическом цехе спецпроизводства токарь-операционист Антонина Яковлевна Пономаренко самовольно оставила производство еще 26 декабря сорок первого года. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. (бывают же в жизни такие совпадения!) такие проступки расценивались как дезертирство с трудового фронта. Поэтому в приказе директора комбината указывалось: «Материал на работу новомеханического цеха Пономаренко Антонину Яковлевну направить в прокуратуру для привлечения ее к ответственности». А суд, как правило, присуждал стандартные наказания по формуле «шесть — двадцать пять», то есть в течение шести месяцев из зарплаты осужденного высчитывалась в качестве штрафа четвертая часть. Нередко присуждали и более строгие меры наказания — полгода, год и даже три года исправительных работ в колонии обычного режима.

Крупные неприятности, как будто специально, стали преследовать Магнитку начиная с первого мая и практически весь июнь. Именно первого мая, как будто в отместку директору комбината, объявившему своим приказом два праздничных дня обычными рабочими днями, кто-то пытался вывести из строя четвертую мартеновскую печь. В зубья работающих шестерен перекидного клапана на этом агрегате был вставлен толстый железный прут, почти ломик. Один зуб большой шестерни сломался,

Броня

Отрывки
из документальной повести

а мотор клапана, не выдержав дальнейшего увеличения нагрузки, встал, просто отключился. А если на мартеновской печи не перекидываются клапаны подачи топлива, нарушается режим нагрева плавки в ванне, и печь очень быстро может быть выведена из рабочего состояния.

Неужели диверсия? Неужели беспощадная

Суд, как правило, присуждал стандартные наказания по формуле «шесть — двадцать пять», то есть в течение шести месяцев из зарплаты осужденного высчитывалась в качестве штрафа четвертая часть

вражеская рука достала и до Магнитки?

Шума не поднимали — следователи НКВД не советовали. Но люди в штатском не выходили из первого мартеновского дня три. Под подозрением у них был практически каждый работник цеха. А кто чужой, не знающий особенностей работы мартена, может подложить такую тонкую подлянку? Однако все попытки энквэдэшников выйти на след злоумышленника положительного результата не дали.

Ровно через месяц совершенно похожая диверсия была совершена на шестой печи — точно такой же железный прут вывел из строя перекидной клапан. Смуглый, с шапкой черных, как смоль, волнистых волос Феодосий Воронов почернел вовсе. Он даже склонен был расценивать оба этих случая как попытки выжить его из цеха. Человек волевой, требовательный, может, он слишком круто начал наводить порядок во всех делах мартена? Очень уж целенаправленные удары по самому больному месту. Носов казался спокойным, холодно, расчетливо анализируя оба случая, говорил молодому начальнику цеха, что обе эти диверсии наверняка совершил какой-нибудь лодырь-разгильдяй, который устал работать в бешеном ритме.

Может быть, но почему покушения совершены на две разные печи? И есть ли взаимосвязь между двумя этими и тем третьим случаем, о котором Воронов еще даже и не докладывал директору?

— Какой еще третий случай? — насторожился Григорий Иванович. — Вы почему скрываете от меня подобные серьезные факты?

Воронов попытался оправдаться тем, что аварии удалось избежать, поэтому не хотел докладывать директору о пустяках, а когда рассказал о диверсии на разливочном кране, Носов вынужден был крепко задуматься. Оказывается, где-то в середине мая на одном из разливочных кранов были наверняка умеренно ослаблены болты на крышке подшипника, установленного на валу тросового барабана. Могло произойти непоправимое, если бы во время подъема краном сталеразливочного ковша с металлом крышка эта слетела, освободила вал, и бесконтрольный барабан опустил бы трос вместе с двухсоттонным ковшом жидкого металла. Хорошо, машинист крана вовремя заметил подготов-

ленную аварию и остановил работу крана — трудно предугадать, чем могла обернуться эта пакость злоумышленника.

Носов нервно помял папиросу, закурил, подымил молча, глядя в одну точку, затем решительно заявил, что завтра придет в цех на утреннее и вечернее сменно-встречные собрания поговорить с людьми. Утром в переполненном зале красного уголка повел со сталеплавильщиками предельно открытый разговор о трех последних случаях вандализма, происшедших в цехе.

— Тот, кто это совершил, может, и хотел напасть на какого-то конкретного человеку, но навредил всему народу, всей советской стране, которая из последних сил, проливая кровь тысяч лучших своих сынов, отстаивает свою свободу. А здесь у какого-то подлеца поднялась рука сунуть железную палку в колесо нашего общего святого дела. Кто он после этого? Кто, если не враг народа, не враг нашей борьбы за свободу, нашей смертельной схватки с гитлеровским фашизмом? И если будет выявлен этот враг, а он будет выявлен, в этом нет никаких сомнений, ни у кого, догадается, не дрогнет рука, чтобы справедливо покарать его. А разговор с такими откровенными врагами, по законам военного времени, может быть коротким — к стенке, и все тут!

И если разгильдяй, совершивший эти диверсии, находится здесь и совершил эти диверсии не по злему умыслу, а по своей глупости, и если он не законченный трус, пусть выйдет сейчас и встанет перед глазами своих товарищей, которые сутками стоят здесь, в цехе, на боевой вахте, чтобы защитить страну. Сможешь ты, гад, смотреть в глаза своим товарищам?! Смогут ли они удержаться, чтобы не разорвать тебя здесь же на части?!

Таким своего директора металлурги никогда не видели. Его глуховатый голос стал громовым и сокрушающим. Глаза излучали неимоверной силы гнев. В такт своим обличительным словам он постукивал немаленьким своим кулаком по столу, как будто вбивая в него эти стальные остроты и боли слова.

Это выступление директора прозвучало как обвинение коллективу цеха, как глубокая обида на него. Как могли допустить, что в здоровой рабочей семье завелась такая гниль и опозорила весь цех? Как проглядели, не заметили сволочные проделки пакостника? Шли на рабочую смену, будто после того как суровый баты врезал ремнем ниже спины, очень больно, но по делу, совершенно справедливо. Шли, как бы постанывая от боли, но с твердым решением, что никогда больше не допустят, чтобы отец так сердился.

...Как начался июнь с тяжелых неприятностей, так и продолжался. Заготовочный цех, где стальные блюмсы должны были подготавливаться к дальнейшей прокатке на сортовых станах, стал серьезно тормозить их работу. Сортовые станы простаивали из-за отсутствия подогретых заготовок — не загружать же в нагревательные печи блюмсы с запароченной поверхностью, что равносильно было бы производству заведомо бракованной продукции.

На станах проволочно-штрипсового цеха очень вяло осваивались технологии производства новых профилей проката военного назначения из новых марок стали.

Круто поговорив с начальниками обоих цехов Окуневым и Сазоненко, Носов пришел к выводу, что ни тот ни другой не имеют за душой сколько-нибудь выразительных планов улучшения ситуации. Скрепя сердце пришлось подписывать приказы об их освобождении с должности руководителей этих цехов. Испытывая обязанности начальника заготовочного цеха назначил Б. В. Алимova, а начальником проволочно-штрипсового — П. В. Цымбала. Заместителем последнего по «двести пятьдесят» первому и «двести пятьдесят» второму станам назначил молодого инициативного инженера С. П. Антонова.

Недели не прошло — случилась большая беда. И надо же сложиться такому совпадению — ровно год спустя, в день начала войны, прорвало дамбу на Сухой речке, и бешеный поток грязной воды хлынул по городским дорогам и улицам на комбинат. На несколько часов из-за этого потопа остановилась работа толстолистового и среднелистового станов, сортопрокатного и проволочно-штрипсового, заготовочного цехов, где вода прорвалась в подвальные помещения.

Опять диверсия? Срочно созданная комиссия по расследованию причин прорыва дамбы пруда-отстойника для воды, идущей с обогатительных фабрик горного управления, слава богу, развеяла это предположение, но легче от этого не стало. Специалисты пришли к выводу, что мощные взрывы, производимые на руднике горы Магнитной, вызывают колебания почвы и вокруг горы. Эти постоянные встряхивания и нарушили целостность насыпного тела дамбы, наступил критический момент, и ее под натиском большой массы воды прорвало.

Перед специальной комиссией, созданной для разработки проекта восстановления плотины, Носов поставил задачу такого основательного ее обновления, чтобы никогда ни при каких колебаниях земли она бы не разрушилась и надежно служила многие годы. Поэтому восстановление дамбы на Сухой речке продолжалось довольно продолжительное время.

Вода из прокатных цехов комбината скоро ушла, но последствия наводнения пришлось устранять не одну неделю. Самое важное — восстановить поток металла для военных нужд, прежде всего броневой стали. Григорий Иванович лично обратился к мужикам, вырубщикам металла, с просьбой день-два так ударно поработать, чтобы восполнить отставание в поставках толстого листа из спецстали в адрес оборонных заводов, чтобы они даже не почувствовали перебоа из-за этой аварии.

Не выходя из цеха более суток, вырубщики работали не покладая рук, хотя они уже не хотели и не могли держать мощные пневматические молотки. Но, преодолевая неимоверную усталость, боль в спине, плечах и руках, люди продолжали работать и сделали то, что просил от них директор. Поблагодарить вырубщиков за героический труд Григорий Иванович приехал в цех с подписанным приказом о награждении денежной премией каждого из участников этой ударной вахты. В дополнение к деньгам директор выдал героям десять килограммов табаку — подарок для курящих людей, страдающих от полного отсутствия курава, царский.

Далеко не все дела Магнитогорского металлургического комбината складывались неудачно. Все, что зависело от самого Носова, из его сильных надежных рук не вываливалось, действовало уверенно, с высокой отдачей. Ритмично, набирая все больший ход, работает горное управление. Горняки горы Магнитной стабильно обеспечивают высококачественной железной рудой возрастающие потребности не только своих домен, но и кузнечных, а также некоторых старых уральских заводов. В номере «Правды» от 9 июля опубликованы итоги Всеобщего социалистического соревнования за июнь, где сказано, что «ВЦСПС и Наркомчермет СССР решили: оставить переходящее Красное знамя Государственного Комитета Оборонных и сохранить звание «Лучший доменный цех Советского Союза» доменному цеху Магнитогорского комбината им. Сталина, завоеванное им в соревновании за май 1942 г. (директор комбината тов. Носов, начальник цеха тов. Юпко, секретарь парторганизации тов. Акименко, председатель цехкома тов. Григорьев)».

Продолжение следует.